

произведения, составляющие двадцатый выпуск альманаха «Земля» — дьявол и ады, что явствует из разбора рассказа Куприна — и хотя бы из названия повести Винниченко. Правда, герой этой повести — «ненастоящий» Мефистофель, здесь скорее идет речь о претензии вполне благополучного интеллигентного буржуа на демонизм и сатанинство, но претензия заявлена четко. Во всяком случае, две киевские дьяволиады в одном сборнике — совпадение столь маловероятное и столь по-булгаковски причудливое, что кажется подстроенным нарочно. Мог ли Булгаков пройти мимо альманаха, содержащего сразу две киевские дьяволиады?

И надо же случиться, что в повести Винниченко тоже есть «трамвайный» эпизод. Правда, там герой предотвращает катастрофу, вытащив ребенка чуть ли не из-под трамвайных колес, и вся сцена по своему рисунку не похожа на известную булгаковскую. Но впору напомнить, что герой повести Винниченко в своем ближайшем окружении известен под кличкой «курносый Мефистофель» — Мефистофель, хотя и курносый. Получается, что в произведениях двух столь несхожих авторов, как А. Куприн и В. Винниченко, помещенных, однако же, под одной обложкой, происходят «трамвайные» эпизоды, в которых замешаны мефистофели этих произведений: один предотвращает назревающую катастрофу, другой — ее предотвращает. Возможно, именно некоторая близость, скорее даже зеркальная симметрия этих эпизодов и зацепила внимание Булгакова: повторенное, удвоенное воспринимается как подчеркнутое.

Вопреки уверениям лиц, долгое время надежно оберегавших читающую публику от знакомства с произведениями украинского писателя, потому-де, что это — «декадентские» вещи и, следовательно, невозможность знакомства с ними — небольшая потеря, в повести «Записки курносого Мефистофеля» нет решительно ничего декадентского. В простой и вполне традиционной прозе рассказывается о том, как эгоистический индивидуализм терпит крах и добровольно склоняет голову перед родовым, семейственным началом. Повесть написана со строгой нравственной позиции, более того — с позиции защиты патриархальной морали. Это обстоятельство исключает возможность «декадентства», и как бы ни относился Булгаков к художественному методу Винниченко, строгая мораль украинского писателя вполне соответствова-

ла представлениям будущего русского писателя.

Вряд ли приходится сомневаться, что Булгаков прочел повесть Винниченко в альманахе «Земля». Этот вывод обогащает наши представления о киевском контексте Булгакова, о круге его чтения. Во всяком случае, когда Булгаков устами своих персонажей — киевлян 1918 года — называет Винниченко, это имя не было для автора «Белой гвардии» связано только с событиями, оцененными в романе весьма скептически, но было именем хорошо знакомого, прочитанного писателя.

Альманахи «Земля», вне всякого сомнения, находились в поле внимания киевских читателей между прочим потому, что здесь (начиная с третьего выпуска) была опубликована купринская «Яма» — быть может, не лучшее, но самое знаменитое из «киевских» произведений писателя. Каждый киевский гимназист, каждый киевский студент старательно проштудировал «Яму» — если не как повод для гражданского негодования, то уж как информацию к размышлению — наверняка. Здесь же, в «Земле» (выпуск первый), была впервые напечатана купринская «Суламифь» — самая, пожалуй, прославленная художественная транскрипция библейского сюжета в русской литературе начала века. Поэтому все выдержки из рассказа «Каждое желание» приведены в этом очерке по первоизданию в двадцатом выпуске альманаха «Земля».

Когда Булгаков приступал к работе над своим романом о визите дьявола в Москву, прошло менее десяти лет с тех пор, как он прочел рассказ о посещении дьяволом Киева. Но за этот короткий срок коренным образом переменился мир, и для художника оказалось удобным и выигрышным выявить эти перемены, вступив в творческий спор с «Каждым желанием», отразив — прямо или в зеркальном повороте — ситуации, образы, мотивы купринского рассказа. Дьявол, прибывший в Москву, интересуется, очень ли изменились москвичи за время его отсутствия, но мы теперь знаем, о каком времени он ведет речь, знаем, что в предыдущий раз он навещал — Киев.

Прочитав в «Земле» киевскую дьяволиаду Куприна, Булгаков крепко запомнил ее и включил в свое творческое воображение. Нигде у Булгакова не названный, «киевский писатель» Куприн сыграл незаурядную роль в его творческой жизни — особенно в формировании последнего, вершинного романа.